

Невероятность очевидного

Вероятно, хотя неочевидно, Сергей Капица не признает иного обращения к телезрителям, кроме пожелания доброго дня. Даже если передача, которой в прошлом году исполнилось тридцать лет, выходит за полночь, Сергей Петрович, не изменяя себе, начинает очередной выпуск «Очевидного — невероятного» с фразы, ставшей визитной карточкой ведущего и его программы:

«Добрдень!»

— Добрый день, Сергей Петрович.

— Да!
— Соглашаетесь со мной?
— А вы против?
— Нет, лишь хотел узнать: в самом деле считаете, что добрым может быть только день?

— Это традиция, не более. Нало же как-то здороваться с телеаудиторией, верно? Редактор программы посоветовал выбрать подобную форму, я согласился. Передача много лет выходила в эфир днем, и мы не стали ничего менять, когда ее принялись гонять по сетке — то вечером поставят, то глубокой ночью, как сейчас. Странно, что вы вообще обратили на это внимание: ритуальное обращение, только и всего.

— Но ведь был момент, когда ритуал нарушился.

— Не по моей вине. В начале 90-х «Очевидное — невероятное» закрывали. Впрочем, не только нашу программу. Уже как-то позабылось, что 5-й канал, отданный ныне

«Культуре», раньше назывался «Российские университеты». Вместе с каналом умерли программы, посвященные науке. В обществе в ту пору возобладала антиинтеллектуальные настроения. И сегодня позиция телевизионных начальников остается прежней, поэтому любой ахинея проше пробиться на экран, чем нам.

— А по какому ведомству вы проводите программу Александра Гордона?

— Дважды участвовал в ней. Передача достаточно интересна, хотя ведущий порой не слишком самокритичен. Впечатление, будто он не всегда понимает, о чем идет речь в студии. Собеседники разговаривают между собой, а Гордон их только слушает.

— Зато делает это внимательно.

— Мало! Надо активнее вести диалог с гостями. Впрочем, понимаю, Гордону трудно...

— Александр как-то жаловался мне, что начальство допекает его низким рейтингом программы.

— Но это же глупости! Когда-то Станиславский назвал публику душой. Не знаю, насколько это утверждение соответствовало его внутренним убеждениям, но у меня чувство, что в «Останкино» слишком буквально поняли слова классика. Иначе как объяснить все то, что мы видим по телевизору? Мне совсем не улыбается перспектива жить в стране дураков. Собственно, Россия таковой и не

является, не нужно лишь ее искусственно оглушать. Да, управлять стадом проще, рассказывать сказки про поле чудес удобнее, но все-таки лучше относиться к собственному народу с уважением. Это более продуктивно.

— Понимаю, претензии не в адрес телеруководства? Надо брать выше?

— Вы как-то очень конкретно формулируете, а я не люблю публично рассуждать о политике. Слишком широкая тема! Она затрагивает такие глубокие пласты, о которых невозможно рассуждать поверхностно.

— Давайте углубимся.

— Существует ли порядок вызывает больше доверия

— Все, что считаю нужным, говорю в передачах. Смотрите их.

— Но вы же не рассказываете, ходили ли, к примеру, на выборы, кого поддерживали?

— А это важно? Конечно, голосовал. За существующий порядок. Так делаю всегда.

— Значит, вы с Путиным и его «Единой Россией»?

— Эти люди вызывают у меня больше доверия, чем либералы, много лет сидевшие в правительстве и в итоге доведшие науку до руч-

ки. Десятки тысяч наиболее одаренных и перспективных ученых за годы реформ покинули Россию. Безусловно, они не пропали на Западе, нашли себе достойное применение, только легче ли нам от этого?

— А как же две Нобелевские премии, полученные российскими учеными за последнее время? Да, открыты Алферова и Гинзбурга сделаны давно, однако ведь награда наших героев почему-то именно сейчас.

— Отрадный факт, повышающий престиж отечественной школы естествознания, но я говорю о том, что сегодня из России уезжают потенциальные нобелевские лауреаты, и вполне возможно, через несколько десятилетий они будут приумножать славу уже другой страны.

Вот о чем надо думать, воздавая почести Алферову и Гинзбургу. Эти люди сделали вклад в

науку, оставили след в истории. Что они могут еще предпринять? Пожертвовать на исследования денежную часть премии? Но это ведь капля в море!

— Виталий Лазаревич сразу предусмотрительно заявил, что отдаст всю сумму супруге: мол, женщины лучше знает, как распорядиться таким богатством. Подозреваю, вашему отцу жену заменила Родина?

— Не вполне понимаю, о чем вы.

— Слышал, в советское время всех обязывали славить валюту в госказну. На память оставляли только лауреатский значок. Или же для получивших Нобелевскую премию делали исключение?

— У вас ошибочная информация. Был специальный ленинский декрет, по которому деньги у лауреатов не изымались и налогов не облагались. Отец на законном основании хранил премию в швейцарском банке, она благополучно лежала там, ожидая своего часа. В итоге отец употребил

ее для улучшения жилищных условий собственных внуков, купив им квартиры в Москве. По-моему, весьма разумное вложение.

— Вот это да! А сколько внуков у Петра Леонидовича?

— Пятеро. Трое детей у меня и двое у брата.

— Ваш дед — академик, отец — академик, брат — академик, а вы, Сергей Петрович...

— И я тоже. Являюсь членом Европейской академии наук, одной из самых авторитетных и уважаемых в мире. Все произошло естественным путем, не прилагал ни малейших усилий, чтобы быть принятым в нее. Состою в телеакадемии «ГЭФИ»...

— Но вас упорно не принимают в РАН...

— Эти вопросы надо адресовать не мне. Ничего комментировать не хочу и не буду! Меняем тему!

Детство в Кембридже

— Отец выказывал отношение к вашей работе на телевизионном?

— Сначала он был настроен весьма иронически, даже скептически, но со временем изменил мнение, признав, что я занимаюсь важным делом. Популяризацию, пропаганду науки нельзя недооценивать. В принципе я ведь мог бы читать лекции сотне студентов, а так аудитория расширилась в десятки тысяч раз.

— Тому, что вас позвали в ведущие, наверное, помогла известная фамилия?

— С историей моего появления на телевидении это никак не связано. Решение принималось вне зависимости от того, кто мой родственник. Я начинал с двух передач о физике, видимо, мои качества коммуникатора отметили и предложили роль постоянного ведущего.

— С отцом записывали программы?

— Во-первых, он этого не очень хотел, во-вторых, я предвидел упреки в разведении семейственности на ТВ. По этой же причине и с братом программ не делал, хотя и рассказывал о работах Андрея. Ему принадлежат крупнейшие открытия в области географии, он стоял у истоков создания Дальневосточного отделения Академии наук СССР, долгие годы возглавлял географический факультет Московского университета. Это все так, но делать брата героем программы... Нужно сохранять определенную дистанцию. Так лучше для всех.

— Говорят, Петр Леонидович был суровым человеком?

— Чтобы добиться успеха в жизни, нужно обладать силой, волей, характером. Это очевидно.

— А что невероятно?

— Как сказать? В положении детей знаменитых родителей столько же преимуществ, сколько и недостатков. Конечно, мы с братом старались не разочаровать отца, его влияние на нас было многомерно и особенно стало проявляться в старшем возрасте.

„ Не могу сказать, что владею русским и английским в совершенстве. Один язык влияет на второй. Такой лингвистический казус.

Одно время мы ведь даже работали вместе в Институте физических проблем.

— А английское детство помните, Сергей Петрович?

— Безусловно! Я ведь родился в Кембридже, прожил там первые семь лет, успел отучиться два года в местной школе.

— Наверное, и по-английски говорили лучше, чем по-русски?

— Выученный в детстве язык, как правило, остается с человеком навсегда, но у нас дома пользовались только русским. Когда мама переходила на английский, для нас с Андреем это служило сигналом: нашкотили, сейчас будут ругать. Почему-то для воспитательных целей мама предпочитала императивный английский.

...В последнее время я регулярно бываю в Кембридже, в 90-е провед там полгода, занимался научной работой.

— Где останавливаетесь?

— В том же доме, в котором жил, когда был маленьким.

— Специально туда проситесь?

— Дом отдал под жилье для приезжающих в Кембридж русских профессоров. Он так и называется — Капица-хаус. Когда-то здание находилось на окраине города, теперь поглощено им. Двенадцать комнат, особый проект, выполненный по отцовскому заказу местным архитектором. Достаточно большой — по английским меркам — участок. Теннисный корт.

— Неплохо!

— Отец работал по контракту в лаборатории Резерфорда, его избрали в Английскую академию наук. Материальная сторона жизни складывалась неплохо. Родители могли взять ссуду в банке, построить дом по своему желанию. Впрочем, и в Советском Союзе отец имел все необходимое. Специально для него возвели дом в самом начале нынешней улицы Косыгина. Отец прожил там последние тридцать лет. В доме сейчас музей... На Николиной горе нам выделили под дачу очень хороший участок земли.

Михалков в теннисе играет получше, но...

— Тот, где мы сейчас?

— Нет, это дача моего тестя, а отцовская находится неподалеку. Там брат с семьей живет...

— Смотрю, у вас под окнами теннисный корт. Привычка, приве-

нять участие в научных конференциях. В 34-м году Сталин сказал: «Возвращайтесь». Отец попросил обеспечить условия для работы. Так был создан Институт физических проблем, где удалось собрать многих крупных ученых, включая Льва Ландау. Последнего отцу пришлось вызвать из тюрьмы, писать лично Сталину...

— Петр Леонидович состоял в партии?

— Нет, хотя в годы войны готов был вступить. Сталин сказал, что этого не следует делать.

«Товарищ Капица, почему вы перестали писать Сталину?»

— О конфликте Капицы и Берии написано немало, и все же интересна ваша версия, Сергей Петрович.

— Вся информация уже рассекречена, напечатана в открытых источниках. Речь шла о руководстве так называемым атомным проектом, который курировал Берия. Многие ученые заплатили слишком дорогую цену за участие в нем. Как говорится, ставка больше, чем жизнь... Полагаю, отец спас себе жизнь, уйдя из проекта в 46-м году. Его за этот шаг не преследовали, он тихо жил на даче на Николиной. Был даже забавный эпизод. Однажды к отцу приехал командант с гонимым и передал просьбу срочно сделать звонок по телефону правительственной связи. Назвал номер. Отец ответил, что у него больше нет «вертушки». Командант предложил воспользоваться своим аппаратом. Отец позвонил. К телефону подошел Маленков, тогдашний глава правительства, второй человек в государстве. Спросил: «Товарищ Капица, почему вы перестали писать товарищу Сталину?»

— Переписка возобновилась?

— Сегодня все опубликовано, а тогда информация была, конечно, строго конфиденциальна. Почитать эти документы любопытно, без сомнения, письма отца влияли на положение науки в стране.

— Особые отношения с вождем народов, наверное, вызвали неровное дыхание у коллег Петра Леонидовича?

— Милый мой, ревность и зависть есть везде. Послушайте, что в кулуарах говорят артисты о режиссере и как тот отзывается об актерах. Впечатление, будто пауки в банке! Но разве это главное? Неправильно искать во всем чернуху. Так вы не отыщите объяснения, как создаются прекрасные спектакли и кинофильмы, делаются выдающиеся научные открытия. Порой чрезвычайно трудно объяснить, что именно движет творческой личностью — честолюбие, амбиции, жажда славы, денег или же кошачий интерес ко всему новому.

— Но, согласитесь, совместная работа не мешает творцам после ее завершения публично делить лавры. Именно так недавно было с Абрикосовым и Гинзбургом. Первый открыто намекал, что более достоин Нобелевской премии...

— И что? Во-первых, решение, кого награждать, принимает Нобелевский комитет, во-вторых, надо знать Абрикосова, чтобы понимать,

почему он так говорит. Это блестящий ученый с весьма сложным характером. Но мир ведь оценивает его научные открытия, а не особенности поведения или воспитания. В данном случае важно сделанное, а не сказанное, понимаете? Меня совершенно не интересует, кто и что говорит о коллегах. Об ученых судят не по вырванным из контекста словам. И даже порой не по поступкам.

Возьмем пример из истории. Современником великого Ньютона был основатель микроскопии Гук. Слышали, наверное? Закон Гука, шарнир Гука... Роберт Гук раньше Ньютона предположил, что существует закон всемирного тяготения, но, будучи не математиком, а физиком, не рассчитал его. Это сделал Ньютон и... лютло возненавидел Гука. Ньютон прожил 87 лет и до последних дней не мог слышать имени коллеги. Даже распорядился после смерти недруга сжечь все его прижизненные портреты. Чтобы духа не было! При этом Ньютон являлся президентом Королевского общества, в свое время основанного именно Гуком!

Эпоха безответственности

— Вижу у вас, Сергей Петрович, на письменном столе последний роман Бориса Акунина. Беллетристической балуетесь?

— Во-первых, я знаком с автором. Мы оба были членами редколлегии изданной Фондом Сороса антологии русской литературы. Во-вторых, книжки о Фандорине действительно занимательны. Нет ничего зазорного в том, чтобы расслабиться, позволив себе на время отвлечься от серьезной литературы. К тому же хочу записать передачу с Акуниным. Поговорить с ним об ответственности. При всей условности персонажа автору удалось соединить в образе Эраста Петровича восточное отношение к делу и европейский стиль жизни. Ведь идея персональной ответственности на Востоке развита гораздо сильнее, чем на Западе. Россия же сейчас вообще переживает эпоху тотальной безответственности — политической, духовной, моральной. Это в полной мере относится и к правителям, и к интеллигенции, которая неверно восприняла обретенную в начале 90-х свободу. Очень серьезная тема! О ней нужно и можно говорить, хотя найти собеседника весьма нелегко. Я дважды принимал участие в международных проектах, где ставилось целью написание и принятие Хартии ответственности человека. Увы, из затеи ничего не вышло. Ни в планетарном, ни в российском масштабе...

— Остальное в мире хоть что-то очевидное, но невероятное, способное удивить вас, Сергей Петрович?

— Вы, милый мой, удивляете, спрашивая о подобном. Вокруг столько поразительного! Лев Ландау на вопрос о самом счастливом дне жизни отвечал: «Завтрашний». Вот и я так считаю.

— Значит, завтра снова будет добрый день?

— Верю, что лучшее все еще впереди. Тем и живу...

■ Андрей Ванденко.

„ Когда-то Станиславский назвал публику душой. У меня чувство, что в «Останкино» слишком буквально поняли слова классика.